

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

[Home](#) [Портал сайта](#) [Обратная связь](#)

26

[БИОГРАФИЯ](#) [БИБЛИОГРАФИЯ](#) [КНИГИ](#) [ПЕРЕВОДЫ](#) [СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ](#) [КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ](#)

[ИНТЕРВЬЮ](#) [РЕЦЕНЗИИ](#) [АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ](#) [КНИГА](#) [НОВОСТИ](#) [ФОТОГРАФИИ](#) [РАЗНОЕ](#) [ГОСТЕВАЯ](#)

[Отобразить меню](#)

Искать

[Главная страница / Избранные статьи, доклады /](#)

 [Версия для печати](#)

АРХИМАНДРИТ СОФРОНИЙ

С отцом Софронием, учеником и биографом преподобного Силуана Афонского, я сначала познакомился заочно — через книгу “Старец Силуан”, которая в 80-е годы ходила по рукам в самиздате и пользовалась большой популярностью. Когда мне было лет шестнадцать, мне довелось познакомиться с сестрой отца Софрония, замечательной, скромной женщиной весьма преклонных лет, Марией Семеновной Калашниковой. Она жила в Москве, в старом одноэтажном доме на улице Рылеева, и мы с матерью часто ее посещали. Она рассказывала нам об отце Софронии, давала читать его письма к ней, показывала фотографии его монастыря. История их общения весьма интересна. В детстве они были очень близки, но потом судьба разбросала их по разные стороны “железного занавеса”.

Отец Софроний эмигрировал, много лет провел на Афоне, потом оказался во Франции и, наконец, осел в Англии, где основал свой монастырь. Мария же оставалась в России и в течение многих лет вообще ничего не знала о судьбе брата, пока в 50-х годах он сам не разыскал ее. У них завязалась переписка; несколько раз Мария Семеновна ездила к нему в Англию.

Позднее, во время первого приезда в Англию, мне посчастливилось познакомиться и с самим отцом Софронием. Первая встреча со Старцем (так все называли отца Софрония в основанном им монастыре св. Иоанна Предтечи в Эссексе) навсегда осталась в моей памяти. Меня привели в дом, где он жил. Навстречу мне поднялся человек маленького роста, чрезвычайно худой и очень старый: было ему далеко за девяносто. Первое, что меня поразило: контраст между немощным, старческим телом и каким-то светлым, живым, юношеским духом, который Старец сохранял до самой смерти. Он приблизился ко мне вплотную, взял за плечи и долго смотрел прямо в глаза. Потом сказал: “Кожа да кости. Вам надо лучше питаться. Вас, должно быть, в России вообще не кормили” (что, конечно, не соответствовало истине). С этого момента меня в монастыре окружили особой заботой; по указанию Старца одна из сестер следила за тем, чтобы у меня в келье всегда была еда.

С отцом Софронием мы встречались часто и беседовали подолгу. О моей жизни, о планах на будущее он расспрашивал во всех подробностях: его, казалось, интересует все. Мое желание учиться в Оксфорде он горячо одобрил. Ему вообще было свойственно уважительное отношение к богословскому образованию: всех своих монахов он посылал в различные богословские учебные заведения. Отец Софроний считал, что в наше время всякий монах и священнослужитель должен быть высокообразованным человеком. Такая позиция тем более удивительна, что сам отец Софроний систематического богословского образования не получил.

С чрезвычайным вниманием он относился к моим ученым трудам. Однажды я привез ему триста страниц стихотворных переводов “Гимнов” преподобного Симеона Нового Богослова с подробным богословским комментарием. Старец, который сам уже не мог читать, заставил своих келейников прочитать ему всю эту работу вслух (т.е. прокричать через слуховую трубу). Причем, ему читали не только сам текст работы, но и все сноски. Как рассказывал мне один из келейников, если во время чтения он видел, что сноска большая и пропускал ее, Старец останавливал его и спрашивал: “А не было ли там сноски?” После этого келейники Старца умоляли меня не привозить ему на прочтение такие длинные сочинения.

Беседовать со Старцем было необыкновенно интересно. Он говорил, как правило, обо всем сразу, переходя с одного предмета на другой. Каждый раз рассказывал истории из своей жизни, из времени своего пребывания на Афоне, всегда говорил о Старце Силуане. Часто рассказывал о том, как впервые сблизился с преподобным Силуаном. Дело было так. Однажды отца Софрония посетил монах по имени Владимир, который спрашивал у него духовного совета. Отец Софроний сказал ему: “Стой на грани отчаяния”. Потом добавил: “А когда больше не можешь, отойди и сядь, выпей чашку чая”. На следующий день отец Софроний увидел идущего по

монастырскому двору Старца Силуана. Будучи молодым монахом, отец Софроний почтительно отошел в сторону, дабы уступить место старшему. Приблизившись к нему, Старец Силуан сказал: “Был ли у вас вчера отец Владимир?” Отец Софроний спросил: “Что, я был не прав?” — “Нет, Вы были правы. Но это не его мера”. После этого Силуан пригласил Софрония к себе, дал ему свои записки. С того дня началась их духовная дружба, не прекратившаяся до самой смерти преподобного Силуана.

Когда отец Софроний рассказывал эту историю, глаза его увлажнились слезами. Преподобного Силуана он вообще всегда вспоминал с большой теплотой.

Отец Софроний обладал даром слез. У него было то “сердце милующее”, которое, по словам преподобного Исаака Сирина, “возгорается любовью о всяком творении, о всяком человеке, даже и о врагах истины”. Когда отец Софроний слышал о чьей-либо беде, печали, о каком-то горе, случившемся с человеком, он проливал слезы сострадания и молился за этого человека. Если слышал, что кто-то тяжело болен, молился целыми ночами напролет, докучая Богу своей слезной молитвой. И бывали случаи, когда по молитве Старца человек получал исцеление.

Умел Старец и смеяться. Он любил рассказать какой-нибудь анекдот, историю из парижской или афонской жизни. Смеялся он по-детски — искренне и подолгу. Он, например, вспоминал некоего диакона в Париже, который однажды застал его в саду беседующим с дамой на духовные темы. Что уж вообразил диакон по этому поводу, остается загадкой, но только он потом долго всем говорил, поднимая вверх указательный палец и хитро прищуриваясь: “А этот Софроний-то— фруктик, фруктик!” Тот же диакон иногда приходил к отцу Софронию с бутылкой вина; откупорив ее и отпив из нее несколько глотков, он начинал рассуждать: “Отец Софроний, согласитесь, ведь здесь в Париже настоящих монахов нет: только Вы и я. А остальные все так— любители”.

А вот афонская история. Однажды, когда отец Софроний — это было уже после смерти преподобного Силуана — жил на Афоне в затворе, к нему пришел молодой монах, который стал расспрашивать его о том, о сем. Чувствовалось, что пришел он для важного разговора, однако не решался его начать. Наконец, он сказал: “Отец Софроний, ответьте честно, Вы масон какой степени?” Отец Софроний был так удивлен вопросом, что двумя руками схватился за голову. Тогда монах выскочил из кельи и сообщил всем, что отец Софроний — масон десятой степени (так как на двух руках, которыми он обхватил голову, было десять пальцев).

Старец много говорил о России. Почему-то у него сложилось впечатление, что в России его книги не признаны; это доставляло ему большое огорчение. В монастырь приезжало много людей из Греции, ведущие иерархи Константинопольского Патриархата, такие как патриарх Варфоломей, митрополит Иоанн (Зизиулас), епископ Каллист, регулярно посещали Старца. А из России приезжали редко. Кроме того, до Старца дошли сведения о том, что один профессор в России критикует его книги. Я говорил ему о той огромной популярности, которой в России всегда пользовалась книга “Старец Силуан”, а он отвечал мне: “А вот профессор

такой-то считает, что я в прелести”. Критику в свой адрес отец Софроний воспринимал с большим смирением и в молитве просил Бога указать ему на ошибки, которые он мог допустить в своих книгах.

Почти еженедельно Старец проводил в монастыре беседы на духовные темы. К этим беседам он относился как к продолжению литургического служения, как к “литургии после Литургии”. Однажды Старец благословил мне совершить Божественную Литургию в монастырском храме: на ней он сам присутствовал и причащался. Когда служба кончилась, он сказал мне: “Я был за Вашей Литургией, а Вы приходите на мою”. Имелась в виду беседа, которую он проводил в монастырском храме в послеобеденное время.

В 1993 году, за двадцать дней до кончины Старца, я приехал в Англию. Сразу же по приезде встретился со Старцем. Беседовали мы без перерыва четыре с половиной часа. Как всегда, Старец сохранял абсолютную ясность мысли, бодрость духа. Под конец он провел меня к себе в келью, мы помолились вместе, и он сказал: “Я очень рад, что мы с Вами встретились перед моей смертью”. А я должен был на следующий день лететь на двадцать дней во Францию, после чего возвращался на два года в Англию для учебы в Оксфордском Университете. Я говорю: “Старец, через три недели я вернусь в Англию, и, надеюсь, мы будем часто видеться”. Старец повторил: “Я очень рад, что мы встретились перед моей смертью”. Когда двадцать дней спустя я позвонил из Франции в монастырь, чтобы сообщить о своем приезде, меня спросили: “Вы слышали, что Старец скончался”. Я прибыл в день его похорон и участвовал в погребении.

Встреча со Старцем была для меня событием огромной важности. В его лице я увидел человека, который достиг того, что на святоотеческом языке называется обожением. Одно дело — читать об обожении у древних Отцов, другое — видеть это своими глазами, на примере живого человека, твоего современника. Глядя на него, ты вдруг понимаешь, что человек обожженный— это не какой-то небожитель; это такой же человек, как все мы, из той же плоти и крови, но только каждое его слово, каждый взгляд, каждое движение пронизаны Богом. Он остается человеком, но во всех его человеческих проявлениях присутствует божественная энергия, божественная благодать.

* * *

Сергей Сахаров (будущий архимандрит Софроний) родился в 1896 году в Москве. Воспитывался в православной семье. Определенное влияние оказала на него мать, которая была “человеком глубокого сердца и праведной жизни”[2]. Однако более сильным было влияние няни: о ней отец Софроний вспоминал с любовью как о человеке, привившем ему вкус к молитве и богослужению.

Окончание учебы совпало с началом Первой мировой войны. В годы войны Сергей был офицером инженерных войск, однако в военных действиях не участвовал. После окончания гражданской войны поступил в Московское училище изящных искусств, где занимался живописью.

В 1921 году Сергей эмигрирует. Пробыв недолго в Германии и Италии, он в 1922 году оказывается в Париже: там он продолжает заниматься живописью и выставляет свои работы в художественных салонах. В 1924 году поступает в только что открытый Свято-Сергиевский богословский институт. В 1925 отправляется сначала в Сербию, а затем на Афон, где принимает монашество в русском монастыре святого Пантелеимона.

Путь к монашеству был для Сергея нелегким. С детства он привык часто и подолгу молиться: “Когда я был совсем мальчиком, — вспоминает он, — промолиться полчаса, сорок пять минут для меня не составляло никакого труда. Это была как бы потребность”[3]. Однако в семнадцать лет Сергей увлекся буддизмом и восточной медитацией. Вера в личного Бога на время поколебалась, хотя от Церкви и от молитвы Сергей окончательно не отрывался. Поворотным пунктом стала Великая Суббота 1924 г., когда сразу после причастия Сергей ощутил присутствие Бога, явившегося ему как нетварный божественный свет. Опыт божественного присутствия с тех пор только углублялся, жажда духовной жизни становилась все сильнее: она и привела его в конце концов на Афон.

О первых годах, проведенных на Святой Горе, отец Софроний вспоминал как о “самых блаженных”: послушания, которые он исполнял, были простыми и не отвлекали от молитвы, службы длились по семь-восемь, а то и двенадцать часов в день[4]. В 1930 году он встретился с преподобным Силуаном, который покорило его своей святостью, глубиной духовного опыта и ясностью мысли. До самой смерти преподобного в 1938 году отец Софроний находился при нем и стал свидетелем его кончины.

Весной 1939 года отец Софроний уходит в затвор: он поселяется в одной из пещер афонской Карулии, где проводит дни и ночи в молитве за мир. В 1941 году он принимает священный сан в монастыре святого Павла и вскоре становится духовником нескольких монастырей.

После Второй мировой войны Афон оказался охвачен антиславянскими настроениями, и многим русским монахам пришлось покинуть Святую Гору. В их числе были иеромонах Софроний и монах Василий (Кривошеин), будущий архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Отец Софроний в феврале 1947 года вновь оказался во Франции. В 1948 году он публикует книгу “Старец Силуан”, вскоре переведенную на многие языки и ставшую классикой православной духовной литературы.

В 1959 году, в возрасте 67 лет, отец Софроний переезжает в Англию, где приобретает старый священнический дом в местечке Tolleshunt Knights (графство Эссекс). Там он создает небольшой монастырь. Сначала с ним было семь человек, но со временем число иноков и инокинь выросло до двадцати пяти (монастырь состоит из двух общин — мужской и женской). Впоследствии монастырь получил в пользование находящуюся неподалеку старинную англиканскую церковь, которую переоборудовали под православный храм. Монастырем приобрел или построил и другие здания, в том числе большой храм и трапезную, которую расписал сам отец Софроний, а также небольшой домик, где он поселился после того, как передал управление монастырем своему ученику и сподвижнику

Поскольку община, созданная отцом Софронием, была с самого начала интернациональной, богослужебный устав решили максимальным образом упростить. Полноценное всенощное бдение, состоящее из вечерни и утрени на славянском, греческом, английском и французском языках, совершается в монастыре только накануне воскресных и праздничных дней. В остальные дни совершается так называемое “правило”, состоящее из нескольких сотен Иисусовых молитв, произносимых кем-либо из насельников или гостей обители в полной темноте и тишине в монастырском храме. Божественная Литургия совершается три раза в неделю.

За годы своего пребывания в Великобритании отец Софроний приобрел известность как выдающийся духовник. Тысячи людей из разных стран приезжали к нему за духовным советом. В своих наставлениях он подчеркивал важность внутреннего духовного делания в противовес “телесному” подвигу. Все внешние формы аскезы, будь то пост, молитвенное правило, поклоны, различные монастырские послушания, являются лишь вспомогательными средствами для “умного делания” — непрерывного предстояния Богу в молитве. Без этого предстояния Богу они лишены смысла и являются не более чем пустой оболочкой.

Господь дал отцу Софронию долгую жизнь. Еще будучи на Афоне он перенес тяжелую болезнь, несколько раз был на грани смерти. Здоровье его всегда было крайне слабым. Тем не менее он продолжал жить, удивляясь своему долголетию. В 1977 году он писал сестре Марии: “Мне 81! Невероятно, но факт. Никак не могу понять сего странного положения. Я столько раз болел действительно серьезно, так что окружающие не предполагали, что я оправлюсь и встану. Сколько раз я бывал в опасности в горах, в пустыне, на дорогах, в море в бурные погоды, от многих скорбей и ран душевных... И вот какое чудо!”[5]. В 1986 году отец Софроний писал: “Я совсем состарился: если суждено мне дожить до сентября, то мне будет девяносто лет, но я вовсе не могу быть уверенным в этом”[6]. Отец Софроний дожил до девяноста шести лет и перешел в мир иной 11 июля 1993 года.

* * *

Архимандрит Софроний известен прежде всего как автор бессмертной книги “Старец Силуан”, впервые изданной полвека назад и с тех пор переведенной более чем на двадцать языков. Не менее важна книга “Видеть Бога, как Он есть”[7], где отец Софроний излагает свой собственный духовный путь. В небольшой книге “О молитве”[8] отец Софроний делится своим опытом молитвы. В последние годы начали выходить в свет материалы из архива Старца — его переписка с сестрой Марией[9], с протоиереем Борисом Старком[10], отдельные беседы[11]. Готовится к печати книга статей Старца на экклезиологические темы “Рождение в Царство непоколебимое”. Со временем будет, вероятно, опубликована переписка отца Софрония с такими выдающимися богословами, как протоиерей Георгий Флоровский, архиепископ Василий (Кривошеин), митрополит Сурожский Антоний.

В восприятии многих людей облик архимандрита Софрония как бы заслонен обликом его учителя — преподобного Силуана Афонского; отца Софрония воспринимают прежде всего как популяризатора учения преподобного Силуана. Между тем, вклад отца Софрония в богословие не менее, а может быть, и более значителен, чем вклад преподобного Силуана.

Тема персоны

Основной темой богословия отца Софрония является учение о персоне: о Боге как персональном бытии и о богообщении как встрече между личным Богом и человеком-личностью. “Ипостась-Персона есть первичный принцип и последнее, всеобъемлющее измерение в Божественном Бытии; также и в человеческом, по образу Божию тварном бытии. Вне сего ипостасного принципа ничего не существует”, — говорит отец Софроний[12]. Поиски сверхличного Абсолюта когда-то едва не увели молодого художника Сергея Сахарова из Церкви; встреча с личным Абсолютом привела его к принятию монашества. Именно эта встреча, сопровождавшаяся мистическим опытом видения света, перевернула его жизнь. “В Евангелии от Иоанна... говорится о лице Христа как о Логосе — Мудрости Бога, но мудрости ипостасной, то есть персональной: без Него ничтоже бысть еже бысть (Ин. 1:3). Все, что существует, существует через Него и благодаря Ему. Тогда для меня разрешился вопрос очень ясно, что сверхличный Абсолют вовсе не есть Бытие. А Бытие есть персона, и без этой персоны ничто не может существовать”[13].

Именно во Христе и через Христа Бог раскрывается человеку как персональное бытие. Только Сам Бог персонален в полном смысле слова, а человек является персоной в той мере, в какой он является образом и подобием личного Бога, в какой приобщается персональному вечному Бытию. Персональный принцип есть тот потенциал, который человеку надлежит актуализировать через исполнение заповедей воплотившегося Бога — Христа:

Мне самому дорого обошлись заблуждения, которыми я увлекался около семи-восьми лет. По человечески рассуждая, я не смог бы своею силой выбраться из бездонности трансцендентизма восточного видения сверхличного Абсолюта... Когда же по дару Свыше мне было дано уразуметь онтологическое место принципа Персоны в Божественном Бытии, тогда, естественно, все переменялось и предстало в обратной перспективе: мы— тварь; как персоны мы создаемся потенциально, не актуально. Я не есмь Перво-Бытие, но тварный образ Его. Евангельскими заповедями я призываюсь актуализировать, реализовать в себе мое персональное богоподобие, стать личностью-ипостасью...[14]

Девятнадцать столетий назад Пилат задал Христу вопрос, ответа на который не стал дожидаться, так как считал, что ответа на него не существует: “Что есть истина?” (Ин. 18:38). Он не догадывался, что Истина не есть “что”, Она есть “кто”[15], и что эта воплощенная Истина в тот

момент стояла перед ним — та самая Истина и Мудрость Божия, то самое Бытие, через Которое мир был приведен в бытие. Истина не есть отвлеченное имперсональное понятие, Она есть не что иное как Сам Бог, Которого мы познаем через личное откровение во Христе.

Бог не есть одна Персона, Он есть три Персоны, “единые в Своей Сущности, в Своем Царстве, в Своей Славе, в Своем действии”[16]. Персональный принцип в Боге реализуется в полноте любви, которой обладают Лица Святой Троицы. Любовь Божия имеет кенотический характер. “Само воплощение Бога Слова есть тоже истощание, онтологически свойственное божественной любви. Отец истощает Себя всего в рождении Сына. И Сын ничего не присваивает Себе, но все отдает Отцу”[17]. Полнота божественной любви была явлена людям в Гефсиманском саду и на Голгофе. Тайна Божественного кенозиса непостижима для тварного бытия, она недоступна людям, которые переживают кенозис-истощание как смерть, умирание. Но когда Евангелие воспринимается как призыв следовать за Христом и как весть об обожении человека через подражание Христу в его Гефсиманской молитве, тогда эта тайна открывается человеку “не через отвлеченную философию, а бытийно”. Бог “включает нас в Свое бытие так, что оно становится нашим”[18]. Благодаря исполнению заповедей Христовых, молитве за мир и любви к врагам человек может реализовать в себе персональный потенциал вплоть до уподобления Богу:

Бог есть любовь; и человек-персона одарен способностью воспринять от Бога пламя сей любви. Бог есть Свет, в котором нет никакой тьмы, и мы призваны стать светом в Божественной вечности. Богу все совершенно открыто, все ведомо Ему до конца; и человек-ипостась, включенный в Акт Божеского Бытия, через Бога и в Боге становится носителем всеведения... Человек — тварная ипостась; однако в своем внутреннем существе как образ Абсолютного Бога и он есть некий всемирный центр, великий и дивный в своем конечном завершении через Сына, собезначального Отцу[19].

Молитва

Персональный потенциал человека в наибольшей полноте раскрывается в молитве — предстоянии личному, живому Богу. Отец Софроний говорит о разных видах, степенях и уровнях молитвы. Он рассматривает молитву как “бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства и науки”[20]. Но путь молитвы весьма сложен. Иногда в молитве человек переживает опыт божественного присутствия, а иногда, напротив, чувство богооставленности. “Труден подвиг за молитву; меняются состояния нашего духа: иногда молитва течет в нас, как могучая река, иногда же сердце становится иссохшим”[21]. Погружая нас во тьму и пустоту богооставленности, Бог научает нас познавать исходящие от Него дары. Кроме того, через опыт богооставленности мы становимся “нищими духом” (Мф. 5:3) и приобщаемся Христову смирению, кенотическому опыту Самого Христа, Который на Кресте зывал к Отцу: “Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?”[22]. Гефсиманская молитва Иисуса Христа может стать опытом человека, когда он молится обо всем мире с любовью,

охватывающей все его существо. Тогда человек уподобляется Христу:

Когда некая тень подобия Гефсиманской молитве осенит человека, тогда он разрывает узы эгоистической индивидуальности и вступает в новый образ бытия: персональный, ипостасный по образу Ипостаси Единородного Сына.. Воспринять страждущую любовь Христа есть неоценимый дар Духа Святого, приближающий духовно к ощущению смерти Его на кресте и вместе силы воскресения. Соединенный с Ним подобием умирания в глубокой молитве о мире, в томительной жажде спасения людей, предвосхищает тайну спасения... Неописуемы дары Божии: они делают человека носителем полноты богочеловеческого бытия через соединение со Христом в молитве, уподобляющей его Ему[23].

Отец Софроний обладал уникальным опытом молитвы, начавшимся в раннем детстве и продолжавшимся до последних минут жизни. В книге “О молитве” он рассказывает о том, что дано было ему пережить в часы молитвенного предстояния Богу, о тех “ответах”, которые он получал свыше и которые изменяли его жизнь, его восприятие Бога и окружающего мира. Однажды, будучи еще молодым человеком, он в течение целой ночи со слезами молился об угнетенных и страдающих, молился до тех пор, пока не пришла ему мысль: “Если я так, всею силою моего сердца сострадаю человечеству, то как понять Бога, безучастно смотрящего на страдания многих миллионов созданных Им же Самим людей?” Тогда он обратился к Богу с безумным вопросом “Где Ты?” И тотчас услышал в сердце слова: “Разве ты распялся за них?” Эти слова Самого Христа, произнесенные в сердце отца Софрония, потрясли его: он понял, что только Бог воспринял на Себя страдания людей в абсолютном и безусловном смысле, ибо воплотился, пострадал и умер за людей. “Короткий ответ Бога обычно включает в себе сущность дела, — говорит отец Софроний. — Божие слово приносит в душу новое, особое чувство бытия; сердце испытывает прилив светоносной жизни; ум вдруг постигает дотоле скрытые смыслы”[24].

В другой раз, размышляя в молитве о войнах, виновниками которых становятся созданные Богом люди, отец Софроний “вторично боролся с Богом”, поставив перед Ним вопрос о Его ответственности за зло, царящее на земле: “Если Ты создал все, что существует, если без Тебя ничто не начало быть, то все эти гнусные преступники, способные проливать кровь миллионов и миллионов людей... — не они повинны суду и не они ответственны... Ты, как Творец всего, единственный виновник неисчетного горя земли”. И опять в ответ на отчаянный вопль он ощутил прикосновение мира Божия, и его посетила мысль: “Отец послал Сына Своего, чтобы спасти мир; и Его они убили. Но вот Он воскрес как Победитель смерти и уже как Царь вечности “совершит суд Свой над народами по правоте” (Пс. 9:9)”[25].

Молитва была основным жизненным стержнем отца Софрония на протяжении многих десятилетий. Особенно интенсивной стала его молитва, когда он покинул Париж и оказался на Афоне. Здесь он понял, что такое непрестанная молитва покаяния, что такое молитва за мир; он ощутил силу Имени Божия, призываемого в молитве Иисусовой, и опытно познал, что

значит “схождение ума в сердце”. Опыт “внутрипробывания”, которого иные подвижники прошлого достигали благодаря многолетним трудам, был дарован отцу Софронию с самых первых месяцев его жизни на Святой Горе. Как он сам рассказывает, семь лет спустя после приезда на Афон он получил послушание от игумена — изучать греческий язык. Вернувшись в келью из библиотеки и открыв книгу, он физически ощутил, как его ум выходит из сердца и поднимается к голове, а затем к книге. “В тот момент мне стало ясно, — вспоминает отец Софроний, — что мой ум безысходно днем и ночью пребывал в сердце в течение семи лет моей покаянной молитвы”[26].

По мнению отца Софрония, наиболее адекватным выражением ипостасной молитвы, подобной Гефсиманской молитве Самого Христа, является Божественная Литургия. Для того, чтобы вырасти до способности углубляться духом в подлинно вселенские измерения Литургии, человеку требуется немало лет. Литургическая молитва, говорит отец Софроний, — одна из самых тягостных: “Мы живем ее в страшном разрыве всего нашего существа. Благословив в начале Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, мы затем снижаемся до преходящих житейских нужд, чтобы опять подняться через славословие до Престола Божия”[27]. Через совершение Литургии страдания всего мира входят в душу священника: “Через литургическую молитву душа наша погружается в океан людских страданий”[28]. Вместе с тем именно Литургия является тем путем, идя по которому человек реализует свой ипостасный потенциал, ибо именно причастие Чаше Христовой возвращает человеку богоподобие, утраченное в грехопадении, и ведет его к обожению:

Подлинные измерения Литургии — воистину божественны, и мы никогда не исчерпаем ее содержания, особенно живя еще во плоти. Созданные из “ничто”, мы постепенно растем, развиваемся, совершенствуемся... Разделяя со Христом Его Чашу, мы через причастие Тела Его и Крови воспринимаем также и Его Божество... Таков путь: через соединение в любви с Божественной Ипостасью Единородного Сына, мы становимся Его подобием, и как ипостаси в полноте своей завершенности “по образу и подобию” Его усыновляемся Отцом Небесным на бесконечные веки[29].

ожественный Свет

Одной из составляющих молитвенного опыта является, согласно отцу Софронию, созерцание Божественного Света. В книге “О молитве” он пишет: “Не раз мне было дано созерцать Божественный Свет. Нежно объятый им, я бывал полон неземной любовью. В некоторых случаях мир терял свою материальность и становился невидимым”[30]. Подобным опытом обладали древние святые, однако лишь немногие описывали его в своих произведениях: среди тех, кто подробнее других говорил о созерцании Божественного Света, следует отметить преподобного Симеона Нового Богослова и святителя Григория Паламу. Последний дал богословское обоснование опыта созерцания Света, охарактеризовав этот Свет как нетварную энергию Божию. Что же касается преподобного Симеона, то в его творениях мы находим многочисленные описания

видений Света; никто из Отцов ни до, ни после Симеона не говорил о Божественном Свете с такой откровенностью. Современников Симеона эта откровенность шокировала, многие обвиняли его в гордыне или лицемерии.

Нечто подобное произошло с отцом Софронием после публикации книги “Видеть Бога, как Он есть”. В этой книге он не побоялся описать некоторые из многочисленных видений Света, которых он удостоился в разные годы жизни. Далек не все, знавшие отца Софрония по книге “Старец Силуан”, сумели адекватно воспринять написанную им духовную автобиографию. Некоторые увидели в новой книге признаки “прелести”, другие вообще усомнились в достоверности описанных им видений. Один епископ, как говорят, даже прислал автору книги такое письмо: “Отец Софроний! Но мы-то Вас знаем, мы-то знаем, что с Вами этого не могло быть”. А иные с иронией говорили: “Если хотите видеть Бога, как Он есть, поезжайте к отцу Софронию”.

Между тем, именно книга “Видеть Бога, как Он есть”, законченная отцом Софронием в глубокой старости (ему было почти девяносто лет, когда она вышла в свет), является квинтэссенцией его богословской мысли: именно в ней с наибольшей полнотой раскрыто его учение о персоне, о покаянии, о духовном плаче, об истощании и богооставленности, о Гефсиманской молитве, о Божественном Свете. То, что пишет отец Софроний о Божественном Свете, напоминает страницы “Гимнов Божественной Любви” преподобного Симеона Нового Богослова:

Небесный Свет не поддается чувственному контролю. Иной, неуловимый по своей природе, он приходит неопределимым для нас образом... Исходя из Единого Существа, Свет сей ведет к единому познанию Бога Любви... Душа не без страха решается говорить о том Свете, который посещает человека, жаждущего увидеть Лицо Безначального. Таинственна его природа; и в каких образах описывать его? Неизъяснимый, невидимый — он иногда бывает видим вот этими телесными очами. Тихий и нежный — он влечет к себе и сердце, и ум, так что забываешь о земле, будучи восхищен в иной мир. Это бывает и среди бела дня, и во тьме ночной. Кроткий, он, однако, более могуществен, чем все, что нас окружает. Он объемлет человека странным образом извне; видишь его, но внимание уходит вглубь внутреннего человека, в сердце, согретое любовью... Случается, что не ощущаешь материальности: ни своей, ни окружающей действительности, и себя видишь, как свет... Свет сей святой, являясь в силе, приносит смиренную любовь, изгоняет всякое сомнение и страх, оставляет далеко позади все земные отношения... Он дает духу нашему познание об ином Бытии, не поддающемся описанию; ум останавливается, став превыше мышления самым фактом вхождения в новую форму жизни... Дух наш торжествует: сей Свет — есть Бог. Всемогущий и вместе неизъяснимо кроткий. О, как осторожно обращается Он с человеком: Он сердце, сокрушенное отчаянием, исцелит; душу, надломленную грехом, вдохновит надеждой на победу[31].

Духовничество

Незадолго до своей кончины Старец Силуан сказал отцу Софронию, тогда еще молодому монаху, не имевшему священного сана: “Когда вы будете духовником, не отказывайтесь принимать приходящих к вам”[32]. В ту минуту отец Софроний не придавал особого значения словам Старца и вспомнил о них только через несколько лет, когда его назначили духовником. В течение более полувека отец Софроний совершал духовническое служение — сначала на Афоне, затем во Франции и, наконец, в Англии — и никогда не отказывался принимать всех тех, кто искал у него совета, утешения, назидания, поддержки, молитвы. Он был в подлинном смысле слова Старцем — духовником, способным увидеть человека на той глубине, на которой сам человек себя не видит. Жизнь многих людей кардинальным образом изменилась благодаря встрече со Старцем Софронием.

Духовническое служение, по его мнению, должно вырастать из опыта молитвы; советы, которые дает духовник, должны быть не плодом его рассуждения, но результатом озарения свыше от Духа Святого: “Если людям, пришедшим к священнику с надеждой услышать от него ясно волю Божию, вместо того он даст указание, исходящее от его собственного рассуждения, могущего быть негодным Богу, то тем самым бросит их на неверный путь и причинит некоторый вред”[33]. Духовник должен быть проводником воли Божией: он должен быть тем, через кого приходящий к нему может услышать не его голос, но голос Самого Бога. Как отмечает отец Софроний, “Старец Силуан не имел определенного духовника в течение всей своей монастырской жизни. Обращался к тому, кто в данный момент был ближе”[34]. Часто решающую роль играет не личность духовника, но то, с каким настроением приходит к нему тот или иной человек.

Отец Софроний с особым трепетом относился к духовническому служению. Миссия духовника, считал он,— вести людей к обожению:

Духовнику надлежит чувствовать ритм внутреннего мира всех и каждого из обращающихся к нему. С этой целью он молится, чтобы Дух Божий руководил им, давая нужное для каждого слово. Служение духовника и страшно, и увлекательно; болезненно, но вдохновляюще. Он “соратник у Бога” (1 Кор. 3:9). Он призван к наивысшему творчеству, к несравненной чести — творить богов для вечности в Свете нетварном[35].

В своей собственной жизни отец Софроний осуществил это призвание. Он был одним из немногих духовников, которые соответствуют идеалу пастыря, начертанному более полутора тысяч лет назад святителем Григорием Богословом: “Надо сначала очиститься, потом очищать; умудриться — потом умудрять; стать светом — потом просвещать; приблизиться к Богу — потом уже приводить к Нему других; освятиться — потом освящать”[36].

- [1] Иеромонах Иларион (Алфеев). Православное богословие на рубеже столетий: Статьи, доклады. -М.: Крутицкое подворье, 1999. -С. 335-355.
- [2] Архимандрит Софроний (Сахаров). Письма в Россию. -М., 1997. С. 8 (предисловие).
- [3] Письма в Россию. С. 18.
- [4] Письма в Россию. С. 25-26.
- [5] Письма в Россию. С. 154.
- [6] Письма в Россию. С. 162.
- [7] Первое издание: Эссекс, 1985.
- [8] Первое издание: Париж, 1991.
- [9] Письма в Россию. -М., 1997.
- [10] Письма близким людям. -М., 1997.
- [11] Духовные беседы. -СПб., 1997.
- [12] Архимандрит Софроний (Сахаров). Видеть Бога, как Он есть. С. 238.
- [13] Письма в Россию. С. 30.
- [14] Видеть Бога, как Он есть. С. 185.
- [15] Архимандрит Софроний (Сахаров). Преподобный Силуан Афонский. - Эссекс, 1990. С. 48.
- [16] Видеть Бога, как Он есть. С. 206.
- [17] Архимандрит Софроний (Сахаров). О молитве. -Париж, 1991. С. 26.
- [18] Видеть Бога, как Он есть. С. 201.
- [19] Видеть Бога, как Он есть. С. 204.
- [20] О молитве. С. 7.
- [21] О молитве. С. 11.
- [22] Видеть Бога, как Он есть. С. 131.

- [23] Видеть Бога, как Он есть. С. 238.
- [24] О молитве. С. 38-39.
- [25] О молитве. С. 41.
- [26] О молитве. С. 60.
- [27] Видеть Бога, как Он есть. С. 215-216.
- [28] Видеть Бога, как Он есть. С. 217.
- [29] Видеть Бога, как Он есть. С. 218.
- [30] О молитве. С. 54-55.
- [31] Видеть Бога, как Он есть. С. 154-159.
- [32] О молитве. С. 124.
- [33] О молитве. С. 101.
- [34] О молитве. С. 107.
- [35] О молитве. С. 99.
- [36] Слово 2.